

ПОКА ГОРИТ ОГОНЬ

Мне чудится: звенит лесной ручей,
Пробившийся сквозь зимнее стекло.
Нет непроглядных ветреных ночей.
От мыслей о тебе всегда тепло.
Под чутким небом
Дышит снежный сад...
И снег весь словно ландышем пропах.
И тонкий привкус ветки на губах
Мне чудится сквозь вешний аромат.
Искрится день,
весь мир – в его слезах,
Что светятся на простынях полей,
Живу, пока горит огонь в глазах,
Покуда греет свет любви моей.

ПОСЛЕ КОНЦЕРТА ОРГАННОЙ МУЗЫКИ

Звон колокольный... в Ликах день воскрес,
И разбудил весеннее пространство.
И зазвучал орган, как божья весть,
И стало тесно в кирхе Лютеранской.
Явился Бах торжественно, светло,
Души развеяв горестные тучи.
И кроткое молчанье ожило
В его густом дыхании могучем.

И закачались люстры солнцем свеч,
И озарились слушателей лица.
А ток, по телу скатываясь с плеч,
Пронзил насквозь, позволив всем забыться.
Там, среди них была моя душа,
В едином воспарившая полёте.
Слетелись Души все в огромный шар,
И он повис шатром живых полотен.
Невидимых, конечно, никому,
Но ощутимых многими и каждым...
Так вдохновенен сердцу и уму
Свет музыки пронзивший нас однажды.
Лишь со стихиями сравним орган:
С грозой и морем, с небывалым ветром.
Он глубиною мысли всем нам дан,
И на вопросы вечные ответом.
И, кажется, всё то, о чём молил,
Всё в этих звуках крепнет силой духа.
И вот уже пробилась пара крыл,
И шум их за спиной коснулся слуха.
Вибрации тепла и доброты
Объединяют нас похожих, разных...
И где-то там, под сферой красоты
Свет наших душ расцвёл крестообразно.
Остановилось время на часах,
Пленит орган нас волшебством хоралов!
Разверзлись потолок и небеса,

Слились с листвою деревьев стены зала.
А там, в саду Букстехуде и Бах,
И Мендельсон, и Франк Сезар, и Видор.
Они живут на нотных островах,
Мы слышим век их вечность: вдох и выдох.

ДВОРНИКУ

Листою осенней коронован,
Он самый главный при дворе.
Он самый первый утром новым,
Величественней всех царей.
Быть может, он – поэт-затворник,
Его мечты, как даль светлы.
С ним дружит ветер-беспризорник.
Танцует с ним крыло метлы.
И сразу оживает дворик,
И он в нём первый «дворянин».
Великий, неприметный дворник,
Простой мужик и божий сын.
Наград не ждёт, побед не ищет.
Метёт, метёт, метёт метла...
И дворик чист,
И город чище,
И улица Мечты светла.
А чистый мир – душе отрада.
Прочерчен солнцем путь добра.
И мысль бела, и ангел рядом...
Доволен дворник до утра.

ВЫПИТА ОСЕНЬ

Ветром расхристана, сердцем воспета,
Выпита осень коньячного цвета...
Выпита прошлого терпкая чаша,
Выпита жизнь бестолковая наша, —

Но продолжается: любо не любо...
Стойкости мне одолжить бы у дуба
И не свалиться ледышкой-птицей...
Крепко корнями за жизнь зацепиться.

Я ТЕБЕ ПОЗВОНЮ

Я тебе позвоню
Колокольчиком синим,
Тёплым ландышем белым
В далёкую высь.
Я дождём прошепчу
По траве твоё имя,

Только ты,
На минутку хотя бы,
Вернись!

БЕССОННИЦА

Мну подушки, мысли, плечи,
И вращаюсь, как волчок:
Чёрный-белый, чёт и нечет,
Умник или дурачок...
Время любит и калечит,
Но об этом я – молчок.
Тают люди, словно свечи,
Замолкает их сверчок.
День по-прежнему щебечет,
Начиная свой урок:
Чёрный-белый, чёт и нечет,
Умник или дурачок.
Верую, что Добрый вечен,
Даже, если одинок,
Не всегда людьми привлечен,
Он, как Божий голубок!
И любви моей предтеча,
И глубины между строк,
Человечный Человеке,
А для многих – дурачок.

В ПОКРОВСКОМ ПАРКЕ

...А мороз сердитый не на шутку
И, бывает, до смерти глубок.
А хозяйские собаки в шубках,
Мёрзнет лишь ничейный голубок.
Сиротливо под февральским небом
В ледящем воздухе парить...
– Гули, гули, принесла вам хлеба.
Прилетайте, гули, надо жить.
Словно тяжелея от мороза,
Все туда, где хлебом пахнет снег,
Камнем птицы ударялись оземь,
И так близок был к ним человек.
Я смотрела, и сжималось сердце.
Коченела, хлеб кроша, ладонь.
Пред морозом все мы, как пред смертью –
Ищем свой спасительный огонь.
И меня они не замечали,
Суется почти у самых ног.
Не толкались и не ворковали,
Мирно крохи тёплые клевали,
И, казалось, согривал нас Бог.